

Е. Марушин

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

*Издательство „Малыш“ Москва
1988*

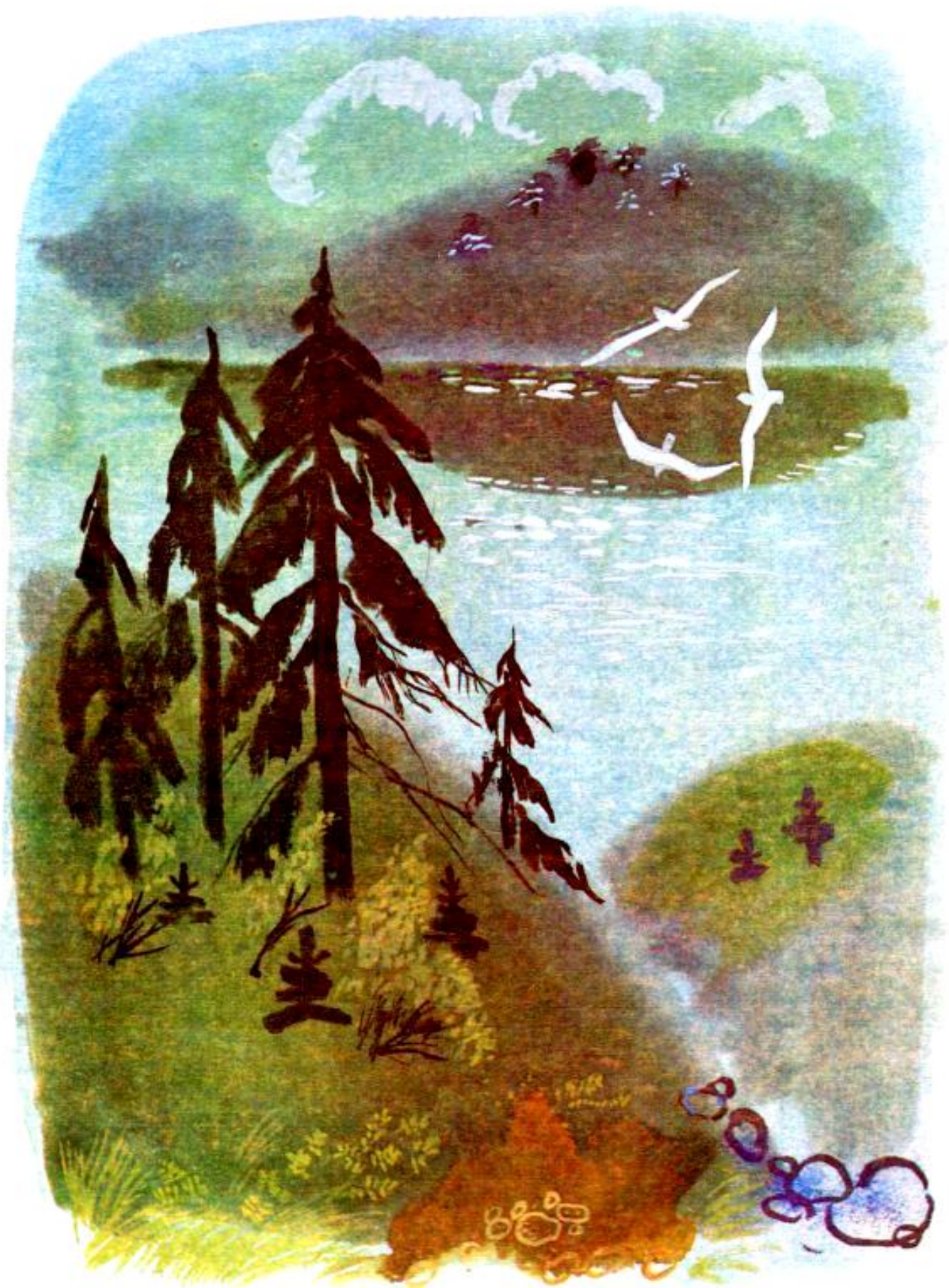

Евгений Чарушин

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

Издательство „Малыш“ Москва
1988

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

В прошлом году я всю зиму жил на Камчатке. А ведь это самый край нашей Родины. Там я и весну встречал. Интересно начинается камчатская весна, не по-нашему.

Как побегут ручьи, как вскроются камчатские речки, прилетает из Индии красный воробей-чечевица и везде поёт свою песню чистым, флейтовым свистом:

— Чавычу видел?
Чавычу видел?
Чавычу видел?

А чавыча—это такая рыба лососёвой породы. И тут-то начинается самое интересное в камчатской весне.

В это самое время вся рыба из океана заходит в речки, в ручьи, чтобы в самых истоках, в проточной пресной воде метать икру.

Идёт рыба табунами, косяками, стаями; рыбы лезут, торопятся, толкаются,—видно, тяжело им: животы у них раздуты, полны икрой или молоками. Иногда они плывут так густо, что нижние по дну ползут, а верхних из воды выпирает.

Ох, как много идёт рыбы!

А говорят, в старину, когда на Камчатке было совсем мало людей, рыба шла ещё гуще. В старинных записях так и сказано, что весло в реках стояло и против течения шло «попом».

Тут все жители рыбу ловят: мальчишки своими штанами или острыми кольями, как копьями, рыбу колют, взрослые сетями, острогой, сачками. Все радуются, галдят. И тоже спрашивают друг друга:

— Чавычу видел?

— Чавычу видел?

— Чавычу видел?

А она изредка проплывёт—эта чавыча—огромный, драгоценный лосось.

Плывёт она по дну среди мелкой рыбы—горбуши. Будто свинья с поросятами по двору проходит.

А через несколько дней вся эта рыба сваливается обратно, в солёную воду. Только уж не косяками, не табунами плывёт она, а вразброд, каждая по-своему. Кто—хвостом вперёд, а кого и по дну катит и выкатывает на берег, как гнилое полешко. Вся рыба еле живая, больная, «снулая». Выметала она икру и обессилела.

И теперь уже по всей Камчатке другие рыбаки орудуют. Кто каркает, кто крикает, кто рычит, кто мяучит.

Дикие рыбаки рыбачат.

Когда пошла рыба в реки, я вместе со всеми кинулся её ловить. Несколько суток не отходил я от речки и спал на берегу. Вдосталь наловился. Устал. Пойду-ка, думаю, в лес, отдохну да и посмотрю заодно лесных рыбаков. Как-то они с делом справляются. И ушёл далеко-далеко от селения.

* * *

Хорошо весной в лесу! Берёзы распускают свои клейкие листья, стоят прозрачные, будто не деревья, а дымок зелёный. Среди них темнеют плотные ели и высокий можжевельник.

Воздух чистый, лёгкий, еловой смолой пахнет, молодым листом, прелой землёй.

И хор птичий... А голоса-то какие замечательные! И флейта поёт, и трель рассыпается, и чеканье, и посвисты.

Солнце печёт всюду. А тень ещё холодная.

Я подошёл к берегу речки, притаился и сразу увидел рыбака.

Ай да мужик-богатырь! Ростом с воробья. Рыба его раз в тридцать больше.

Это голоногий куличиха рыбачит. Вокруг рыбы бегают, суетятся, клюёт. А рыбу из воды на берег выкинуло:дохлая.

Пищит кулик, ногами семенит.

Потом прилетели два ворона. Спугнули кулика, а сами рыбу не трогают.

Видно, уже поели досыта. Как сели на отмель, так и заснули. Сидят, носатые, чёрные, глаза закрыли. Налетели чайки с криком, с гамом. Стали потрошить эту рыбину. Одна голова осталась.

Наглотались чайки рыбьего мяса и дальше отправились. А вороны всё спят, не шевелятся.

Как удачно я выбрал место!

Тут у речки крутая излучина, и всё, что поверху плывёт, вода выкидывает на берег.

Пока я тут был, трёх рыб к берегу прибило течением.

Гляжу—с того берега по камням спускается лиса. Паршивая такая. Шерсть клочьями на боках висит; сбрасывает зимнюю шубу Лиса Патрикеевна.

Спустилась она к воде, воровато схватила ближнюю рыбу и спряталась с нею за камень.

Потом опять показалась, облизывается. И вторую рыбу утащила.

Вдруг лай, вой, визг поднялся: прибежали собаки деревенские да как бросятся с обрыва к воде, к лисице. Видно, учуяли её сверху. Лиса берегом, берегом наверх—и в лес. Собаки за ней.

Ну и я ушёл. Кого мне тут ждать?

Ни один зверь теперь не придёт сюда: собачьих следов испугается.

Снова я пошёл по ручьям и по речкам.

Видал, как другая лиса рыбу ела—смаковала. Выедала только спинки.

Ещё крохаля видал большого—с гуся. Он спал среди объедков. До отвалу наглотался рыбы.

А потом и я прилёг и заснул незаметно. Разморило меня.

Долго ли спал—не знаю. Только вижу сон: будто делаю я ка-

кую-то замечательную вещь, не то самолёт, не то молотилку, а может, и башню какую. По порядку видится сон: сначала работал я, потом устал и тоже лёг спать. Лёг и громко-громко захрапел.

И потом во сне же соображаю:

«Да как же это так? Ведь я никогда не храплю. Не умею».

И тут у меня всё как-то спуталось. Уж я наполовину проснулся, а сон продолжаю видеть, что будто лежу и храплю.

Знаю, что это неправда. Сержусь даже.

Рассердился, проснулся, открыл глаза. Что за чудо? Храплю. Я даже испугался. Как так? Что такое?

Потом очнулся... Да нет, это не я храплю... И на храп совсем не похоже.

Это кто-то рычит неподалёку, фыркает, плещется.

Поднял я голову. Смотрю—в реке медведь сидит. Здоровенный медведь—старик-камчадал. Вот тебе и сон с храпом!

А ружья у меня нет. Что делать? Убираться надо подобра-
поздорову.

Начал я осторожно-осторожно отползать от речки... И вдруг задел за какой-то камень. Камень этот покатился и в воду—плюх! Я так и замер. Лежу не дышу и глаза закрыл. Сейчас задерёт меня медведь. Вот выберется на берег, увидит—и конец.

Ух, и здорово же я струсил! Даже пятки похолодели.

Долго я лежал, пошелохнуться боялся. Потом слышу: будто всё ладно. Медведь порявкивает на старом месте, ворчит. Неужели он не слышал, как камень плюхнулся в воду?

Глухой он, что ли?

Я осмелел и выглянул из-за кустов. А потом присмотрелся немного и совсем страх забыл. Этот медведь тоже рыбу ловил. И до чего чудно!

Сидит Михайло Иванович по горло в воде, только голова сухая из воды торчит, как пень. Башка у него громадная, мохнатая, с мокрой бородой. Он её то на один бок наклонит, то на другой: рыбу высматривает.

А вода совсем прозрачная, мне медведя всего видно, как он там орудует лапами, и туловище медвежье вижу.

К туловищу шерсть прилипла, и тело у медведя кажется не по голове. Головастый он такой получается. Маленький и головастый.

Сидит этот медведь. И вдруг что-то лапами стал в воде хватать.

Вижу—достаёт рыбу-горбушу. Прикусил он горбушу и... сел на неё.

Зачем это он, я думаю, на рыбу сел?

Сел и сидит в воде на рыбе. Да ещё и проверяет лапами: тут ли, под ним ли?

Вот плывёт мимо вторая рыба, и её медведь поймал. Прикусил и тоже на неё садится. А когда садился, так, конечно, встал. И первую рыбу течением из-под него утащило. Мне-то сверху всё видно, как эта горбуша покатила по дну. А медведь как рявкнет! Потерялась рыба. Ах ты! Непонятно ему, бедняге, что такое с его запасом делается, куда он девается. Поси-

дит да и пощупает лапой под собой: тут ли рыба, не убежала ли? А как схватит новую, опять я вижу: старая выкатилась из-под него и ищи-свищи!

Ведь на самом деле обида какая: теряется рыба, и всё тут!

Долго-долго сидел он на рыбе, ворчал, даже пропустил две рыбины, не решился ловить; я видел, как они проплыли мимо. Потом опять—раз! Подцепил лапой горбушу. И опять всё по-старому: нет прежней рыбы.

Я лежу на берегу, хочется мне посмеяться, а смеяться нельзя. Попробуй-ка посмейся! Тут тебя медведь со злости съест вместе с пуговицами.

Громадную сонную чавычу натащило на медведя. Сгрёб он её, кладёт под себя...

Ну, конечно, под ним пусто.

Тут медведь так обиделся, что и чавычу забыл, заревел во всю мочь, прямо как паровоз. Поднялся на дыбы, лапами бьёт по воде, воду сбивает в пену. Ревёт, захлёбывается.

Ну уж тут и я не вытерпел. Как прысну! Как захохочу! Услыхал меня медведь, увидал. Стоит в воде, как человек, на двух лапах и на меня смотрит.

А мне до того смешно, что я уже ничего не боюсь—хохочу-запиваюсь, руками машу: уходи, мол, дурак, мочи больше нет! Уходи!

И на моё счастье, верно, так и вышло.

Рявкнул медведь, вылез из воды, отряхнулся и ушёл в лес.

А чавычу опять потащило течение.

ЛЕСНОЙ КОТЁНОК

На полянке ручеек течёт. И трава кругом густая, разноцветная, от цветов разноцветная. Тут и пчёлы работают, и шмель гудит. А у сосенки, у трёхлетки, что мне по колено ростом, толкунцы толкуются, комары. Всей кучей на одном месте подпрыгивают. А полянка-то маленькая, будто комнатка—шагов пять в ширину, десять в длину.

Стеной вокруг смородина растёт, в смородине рябина, под рябиной опять малина. А дальше настоящий лес обступил поляну. Еловый лес.

Иду я с ружьём по лесу. Увидел эту гущину—малину, смородину, рябину—полез в кусты.

Смотрю, а за кустами эта самая полянка. Ишь ты, как запряталась!

«А нет ли тут дичи?»—думаю.

Высматриваю потихоньку сквозь смородину и вижу: как раз посередке дичь ходит.

Маленький, маленький котёночек ходит, большеголовой котёночек. Хвост короткий—не хвост, а хвостишко. Мордочка пучеглазая, глаза глупые. А ростом он с полкошки всего.

Играет себе котёночек. Схватил в рот длинную соломинку, а сам упал на спину и задними ногами соломинку кверху подбрасывает. Задние-то ноги у него длинные, куда длиннее передних, а ступни у ног толстые, с подушечками. Надоела котёнку соломинка. За мухой погнался, потом цветок лапой ударил. Схватил цветок, пожевал и выплюнул, головой мотает,—горький, видно, цветок, попал. Отплювался, отфыркался, посидел немного так спокойненько, и вдруг тучу толкунцов-комаров заметил.

Подполз к ним, прыгнул и передние лапы врозь расставил,—видно, хотел всех комаров в охапку поймать. Да ни одного не поймал.

А тут шмель попал на глаза. Подобрался котёнок и к шмелю, да как даст задней лапой по ромашке, на которой шмель сидел,— и сшиб его наземь.

Ловко орудует задней ногой. Как передней. Домашней кошке так не суметь.

Сшиб он шмеля на землю, а потом как запищит, замаячит. Ужалил его шмель. Хотел было я ему помочь, яд выдавить, шмелиное жало вытащить. Да вдруг сообразил: нет, никак нельзя. И похолодел я весь со страху. Не помню, как на ноги вскочил и бежать пустился. Что есть мочи от котёнка удираю, только глаза заслоняю от веток.

Яма на пути—я через яму. Куст—я через куст. И такая во мне прыть от страха, что рад бы одним махом через весь лес перепрыгнуть.

Бегу, скачу. Километра два, наверное, этак проскакал. Выбе-

жал, наконец, на луг и упал в траву,—так прямо и грохнулся. Уж и ноги меня не держат, и сердце бьётся, колотится.

Хорошо, думаю, что ноги от котёнка унёс.

Котёнок-то не простой был—это рысёнок был. Значит, и мать его недалеко где-то бродила. Пока он играл себе тихо-мирно на полянке, ловил мух да соломинки жевал, мать тоже своим делом занималась—охотилась. А как подал он голос, запищал, завопил,—тут уж рысь, конечно, к нему—на помощь, на выручку. И разорвала бы она меня в клочки, если бы я ей по дороге попался.

А ружьё у меня, как назло, самой мелкой дробью было заряжено—на рябчика, на мелкую дичь. Где уж тут с рысихой сладить! Рысиха-мать—с доброго волка.

НА ПИЩИК

Я давно слышал, что охота на рябчиков бывает «на пищик». Это вот как: делается маленькая свистулька из жести, из меди или птичьей косточки, пустой внутри.

Охотник идёт в лес, в тихие густые заросли, где скрытно и тайно живут рябчики; хорошо, если там какой-нибудь ручеёк или канавка. Тут надо сесть поудобнее и манить—подсвистывать в эту свистульку, и рябчик непременно подлетит.

Я достал замечательный пищик. Он был из жёлтой трубочки—кости от тетеревиной ножки, весь вделан в серебро,—и самая дырочка, куда свистишь, в серебре, чтобы нечаянно не раздавить косточку зубами, и конец пищика в серебряном филигранном футлярчике. А футлярчик с кольцом для цепочки или верёвочки.

Я научился свистеть по-рябчиному. Надо дать сначала два

длинных спокойных посвиста—и потом конец песенки—ещё один посвист с коротенькими отрывистыми свистками. Получается так: пи-и-и, пи-и-и, пи-и-ик-ки-ки-ки-ки-ки-ки! Всё дело в конце песни. Пересвистишь—это ты на драку зовёшь, а не самочка подзывает. Укратишь—и совсем ни на что не похоже, вроде как синицы балуют. Надо звать точно.

И вот сижу я под сосенкой в глухом лесу. Прислонился к ней. Ружьё у меня на коленях. Кругом деревья стоят. Тихо, ни ветра, ни шелеста.

Вынул я свою дудочку-свистульку, сунул в рот и позвал: «Пи-и-и, пи-и-и, пи-и-ик-ки-ки-ки-ки-ки-ки!» Послушал. Никто не летит ко

мне. Я вынул изо рта свистульку, подержал в руке—полюбовался. Эх! Хороша работа!

Снова сунул пищик в рот. Снова позвал: «Пи-и-и, пи-и-и, пи-и-ик-ки-ки-ки-кик!» Ещё раз свистнул. Ещё раз поманил—нет никого. Снова смотрю на серебряную мою свистульку, люблю её, рассматриваю, в руке на ладонке держу.

И вдруг! Эта-то свистулька из моей ладони, как птица из гнезда, как запоёт: «Пи-и-и, пи-и-и, пи-и-ик-ки-ки-ки-кик!» Ух, как я испугался! Пальцы растопырил, будто обжёгся. Упала свистулька рядом с какой-то шишкой, на земле лежит и... опять поёт. И тут совсем как в сказке получилось: появился, прямо встал передо мной, вот тут рядом, у моей ноги лесной петушок. Осанка горделивая, сам в валенках—у него мохнатые ноги, вместо гребня чёрный хохолок. Хвост свой развёл веером, и каждое пёрышко у него расписное—в пятнышках, в полосках.

Посмотрел на меня петушок из-под красной бровки чёрным блестящим глазом—удивился.

А я—как пень сижусь—замер. И тут я, видно, или рот раскрыл от удивления, или глазами заморгал. Петушок сразу и распознал, что я не пень, а живой человек. И будто на него шапку-невидимку надели—юркнул, наверно, за пенёк, пробежал за дерево, ещё за другое, за ним поднялся и улетел совсем.

А я стал смеяться. Сижусь и смеюсь от всей души. Смеюсь над тем, как я рябчика обманул, и как меня рябчик перехитрил, и как свистулька лежала рядом с шишкой и сама свистела.

Вдосталь посмеялся и пошёл себе домой из леса.

И как-то пропала с тех пор у меня охота манить рябчиков свистулькой-обманкой, будь она хоть из чистого золота.

СВИНЬЯ

Знаешь ли ты, как делают деревянные ложки?

Вот как.

Сначала осину или берёзу распилят на коротенькие полешки, потом полешки колют на баклуши, а потом теслом теслят—долбят ямку в ложке. А потом уж острым ножом состругивают лишнее и ровняют.

Коры и стружки от этой работы получаются прямо горы.

У меня есть знакомый ложечник Егорыч. Он делает прекрасные ложки. И простые осиновые и берёзовые—«с красотой», как он говорит. Такая ложка «с красотой», верно, очень красива. Черенок у этой ложки не простой, а фигурный. Это или рыбка с хвостом и перьями-плавниками, или птичка, или узорный—замысловато вырезан.

Егорыч—бобыль. У него никого нет на свете. Живёт он один

и каждую весну уходит глубоко в лес. Живёт там в шалаше у озера и стругает свои ложки. Съестное Егорыч в свой шалаш завезёт ещё по снегу зимой, потому что летом по болотам трудно добраться.

Весной в лесу есть и своя еда—лесная. Весной ёлка цветёт. На еловых лапах растут красные столбики. Их можно есть.

Бывает сосновый и еловый огурец. Между старой, твёрдой корой и древесиной—слой молодого дерева. Этот слой отдирается пластами. Прозрачный и, верно, хрустит на зубах, как огурчик.

А у болот растут хвощи. Это такая трава, похожая на ёлочки. В наших краях хвощи зовутся пестами. Потому что хвощ похож на пестик. Он ещё не распустился в ёлочку и торчит из земли столбиком. Эти песты надо собрать, посолить и зажарить в масле на сковороде. Получается очень вкусно. Похоже на печёнку.

Я охотился в этих лесах и завернул к Егорычу переночевать. Егорыч мне обрадовался, подарил самую красивую ложку, у которой на черенке была вырезана рыба щука, а сама ложка расписана цветами. Угостил меня чайком да жареными пестами и рассказал мне интересную историю.

* * *

—Вот слушай,—сказал мне Егорыч, когда мы закурили после чаю махорку и разлеглись в шалаше на сенниках.—Нынче весной пришлось мне много сделать ложек. Щепок да стружек осиновых, наверно, воза два я свалил у озера. Я это к тому говорю, что не будь этой стружки, ничего бы не случилось.

Сижу я как-то вечером в шалаше и стругаю ложки. Хотел закурить, чиркнул спичкой... Вдруг как затрещат сучья в лесу. Видно, какой-то зверь убежал.

А ночью на рассвете слышу: кто-то ходит. Осторожно ходит у шалаша. То веточка хрустнет, то камушек покатится.

Ну, думаю, не злой ли человек пришёл, бродяга, а может—медведь?

Взял я топор в руки и вышел. Никого нет.

Вторую ночь опять кто-то ходит.

Чурбашки мокли в корыте. Чурбашки, слышу, застучали, и вода заплескалась, а потом на берегу озера зачавкали ноги по сырой земле.

И всю ночь там кто-то ходил.

Вот я утром встал раненько и смотрю: на берегу озера следы, ну совсем такие, будто свинья ходила.

Я хоть и не охотник, но вижу: два копытца есть на каждой ноге. Ну, раз свинья, так свинья пускай ходит. Только удивительно, думаю, как это свинья зашла так далеко в лес. Ведь от деревни до меня двенадцать километров. Наверно, голодная эта

свинья. Надо, думаю, её в сарай на ночь запирать. Волков, правда, у нас нет, но медведь бродит.

Выстроил загородку и приделал западню: как свинья войдёт в хлев, ступит ногой на доску, тут сзади неё двери и закроются.

Я положил в этот сарай два ломтя хлеба и поставил кадучку с пойлом.

Ну, думаю, моя сейчас свинья!

Этой ночью опять свинья бродила вокруг шалаша, опять за чем-то пила горькую воду из корыта, где мокли осиновые чурбашки.

Ходила свинья вокруг да около, а в сарай и не заглянула.

Тогда я днём набросал хлеба у сарая, кусочек к кусочку. Сделал хлебную дорожку от корыта до сарая. Сосчитал, так вышло тридцать четыре хлебных кусочка.

Ну, думаю, уж сейчас-то непременно зайдёт свинья в сарай. Будет кусочек за кусочком подбирать и попадётся.

Наутро смотрю: в сарае никого нет, а кусочков стало меньше—двадцать девять штук.

Вот ночью слышу: хрустит свинья как раз у окошечка, что-то жуёт.

Я потихоньку выглянул и вижу: да ведь это не свинья! Это кто-то большеголовый, на длинных ногах, ростом с жеребёнка.

Пригляделся и узнал: это лосёнок.

А лосёнок наклонился над колодой с горькой водой и пьёт, причмокивает, потом взял в губы кусок горькой осинового коры и стал жевать.

Эх, вот бы мне его поймать!

Я немного выглянул и стал причмокивать губами, звать его. Потихоньку-потихоньку, чтоб не напугать.

Насторожил тут уши лосёнок. Посмотрел ко мне в окно да как прыснет в туман. Грязь прямо мне в лицо шлёпнулась, затрещали сучья—и нет никого. Только дыра в тумане осталась, заплывает.

Но я всё-таки этого лосёнка поймал—не на хлеб, а на осиную кору, на корыто с осиновым настоем.

Очень славный был этот лосёнок. Горбоносый, длинноногий,

мягкий. Наверно, сиротка. Не иначе—медведь съел его мать или какой-нибудь вредный охотник застрелил матку на мясо.

Лосёнок научился есть хлеб, и кашу ел, и картошку. А посольше посолонее—и ест лосёнок пожаднее. Видно, соль ему очень нравилась.

Вот так мы и жили. Я ложки стругаю, лосёнок кашу ест с солью да горькие стружки сосёт.

Однажды заглянул я как-то в ларёк, а муки да крупы у меня уж немного. Я и выпустил лосёнка из стойла.

И что бы вы думали? Лосёнок ко мне сам залез в шалаш. Вот какой стал ручной да ласковый! Пришёл в шалаш и стонет, по-лосиному мычит: «Ых! ых! ых!» Просит соли.

Так жили мы с лосёнком целое лето.

А к осени ушёл лосёнок. Видно, в лесу увидел своих, пристал к ним и ушёл.

ДРУЗЬЯ

Однажды лесник расчищал в лесу просеку и высмотрел лисью нору.

Он раскопал нору и нашёл там одного маленького лисёнка. Видно, лисица-мать успела остальных перетащить в другое место.

А у этого лесника уже жил дома щенок. Гончей породы. Тоже ещё совсем маленький. Щенку было от роду один месяц.

Вот и стали лисёнок и щенок расти вместе. И спят они рядышком и играют вместе.

Очень занятно они играли! Лисёнок лазил и прыгал, как настоящая кошка. Прыгнет на лавку, а с лавки на стол, хвост задерёт трубой кверху и смотрит вниз.

А щенок ползет на лавку—хлоп!—и упадёт. Лает, бегаёт вокруг стола целый час. А потом лисёнок спрыгнет вниз, и оба

лягут спать. Поспят, поспят, отдохнут и снова начинают гоняться друг за другом.

Щенка звали Огарок, потому что он был весь рыжий, будто огонь. А лисёнка лесник назвал Васькой, как кота: он лаял тоненьким голоском—будто мяукал.

Всё лето щенок и лисёнок прожили вместе, и к осени оба выросли. Щенок стал заправским гончим, а лисёнок оделся в густую шубу.

Лесник посадил лисёнка на цепь, чтобы он не убежал в лес. «Подержу,—думает,—его на цепи до середины зимы, а потом продам в город на шкуру».

Ему жалко было самому стрелять лису, уж очень она была ласковая.

А с гончим Огарком лесник ходил на охоту и стрелял зайцев.

Вот однажды вышел лесник утром покормить лису. Глядит—а у лисьей будки одна цепь и рваный ошейник. Убежала лиса.

«Ну,—подумал лесник,—теперь мне не жалко тебя застрелить. Видно, не бывать тебе ручным зверем. Дикарь ты, дикарь. Найду в лесу и застрелю, как дикую».

Вызвал он своего Огарка, снял с полки ружьё.

—Ищи,—говорит,—Огарко. Ищи своего приятеля.

И показал лисьи следы на снегу.

Огарок залаял и побежал по следу. Гонит, лает—по следу идёт. И ушёл он далеко-далеко в лес, еле его слышно.

Вот он и совсем замолк.

А вот и снова сюда идёт,—лай всё ближе, ближе.

Лесник спрятался за ёлку на опушке, взвёл курки на ружье.

И вот видит: выбежали из лесу разом двое. Лиса и собака. Собака лает и повизгивает. И бегут они по белому снегу рядышком. Как настоящие приятели—плечо к плечу.

Вместе кочки перескакивают, друг на друга смотрят и будто улыбаются. Ну как тут стрелять? Ведь собаку убьёшь!

Увидали звери лесника, подбежали. Васька прыгнул к нему на плечи, а пёс встал на задние лапы, упёрся в грудь хозяину и твякает и ловит шутя лисий хвост.

—Эх вы, чертенята!—сказал лесник.
Спустил курки на ружье и вернулся домой.
Так и жила лиса у него в избе всю зиму—не на цепи, а про-
сто так.

А весной стали уходить в лес—мышей ловить.
Ловила-ловила да и осталась в лесу совсем.
А гончий Огарок с тех пор не гонит лисиц.
Видно, все лисицы ему стали друзья.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДВЕДЬ-РЫБАК	3
ЛЕСНОЙ КОТЁНОК	13
НА ПИЩИК	19
СВИНЬЯ	22
ДРУЗЬЯ	28

Для дошкольного возраста

Евгений Иванович Чарушин

МЕДВЕДЬ-РЫБАК

Художник В. Горячева

Редактор Т. Васильев. Художественный редактор А. Асеев
Технический редактор М. Кобылова. Корректоры Н. Шадрин и С. Бланкштейн

Н/К

Сдано в набор 06.04.86. Подписано в печать 10.11.87. 60x90/8. Бум. офс. № 1. Гарнитура журн.-рубл. Печать офсет. Усл. печ. л. 4,0. Усл. кр.-отт. 18,00. Уч.-изд. л. 3,18. Тираж 300 000 экз. Изд. № 1462. Заказ № 156. Цена 30 коп. По оригиналам издательства „Малыш“. 121352, Москва, Давыдовская ул., 5. Полиграфическая фабрика „Малыш“ Ростгавлополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 344092, Ростов-на-Дону, пр. Корольев, 7/19. Диапозитивы изготовлены фабрикой „Детская книга“ № 1.

4 $\frac{4803010102 - 169}{M102 (03) - 88}$

© Состав, иллюстрации. Издательство „Малыш“ 1988

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя